

**<А если ты вдруг очнешься
от суеты...>**

А если ты вдруг очнешься от суеты, заботы о хлебе насущном и погони за наслаждениями, потому что откуда-то до тебя дотянулось нечто удивительное, редкостное, невыразимое, бессловесное; потому что темнота прокралась тебе в сердце тысячей вопросов и сомнений, лишила тебя уверенности, поколебала покой и привычный уклад твоей жизни; если мир, красочный мир, внезапно изменился, превратившись в бледное ухмыляющееся привидение; если нравственные устои зашатались от внезапно возникших вопросов, затрагивающих смысл и цель бытия и конечные истины; если ветер одиночества завывает в твоих комнатах, а разруха и хаос обрушиваются на голову, — тогда, наверное, ты соберешь изо всех уголков памяти обрывки знаний и начнешь сравнивать и сортировать, склеивать и собирать свой мир...

В кристаллах и камнях начался темный процесс, он расщеплял их, отталкивал, сталкивал, упорядочивал и формировал, заставлял их развиваться, продолжался в листве и цветах, вспыхивал в морских огнях, мириадах инфузорий, в порхании бабочек над солнечным лугом, врывался в заботливо свитые гнезда птиц на цветущих склонах; затихал и начинался снова, достигая совершенства в создающем целые государства интеллекте муравьев и пчел, но и здесь не заканчивался, проходя все новые и новые витки, породив отряд позвоночных животных, и в последнем столкновении молекул завершился человеком, разумом, самопознанием, личностью.

В тебе вибрирует наследственность тысячелетий; в тебе — камни и звезды, пыль комет и ветер, шелест деревьев и шум прибоя, жужжание пчел и пестрота бабочек, девственность леса и торжество разума; в тебе вибрирует космос.

Но ты больше *не являешься* всем этим; просто все это живет в тебе. Зеленый клеточный сок растений и твоя красная кровь наполняют сосуды Вселенной, соединяя все родственными узлами, но ты выделяешься среди всего живого сознанием собственного «я», оно отделяет тебя от всего сущего, словно стена. Ты больше не принадлежишь к растениям и животным, ты больше не можешь соединиться с ними, ты — одинок... Вероятно, ты — единственное

существо, которое может раздумывать о себе самом и осознавать собственное «я», которое может сказать: «я», «я есть»... Но с этого и начинается твоя трагедия и мировая грусть. Потому что только через это «я» ты можешь видеть все остальное; ты уже не видишь мира, только проекцию твоего «я»; самое большее, на что ты способен, — относительное самопознание, но никогда ты не сможешь познать Абсолютную Истину. И все-таки ты, глупец, никогда не оставишь попытки найти ее.

Ты можешь вместе с великим регистратором Кантом навести порядок в каждом отсеке своего сознания и снабдить его этикеткой; ты можешь, вооружившись сетью слов и понятий, поставить ловушку непостижимому и безымянному, а потом, передумав, подняться на ледяные вершины вечных вопросов; ты можешь возвыситься до иллюзорной самообъективизации, до последнего уровня познания, который дает высокое переживание мудрых, переживание «я» в сфере чистого разума; ты можешь пройти часть пути с Конфуцием, другую — с Лао-цзы, третью — с Гаутамой*; но в конце концов ты обнаружишь, что остался на месте, потому что ты всегда познаешь только *свой* мир и никогда *мир* вообще. И всегда перед тобой будут маячить великие

* Гаутама — основатель буддизма.

нерешенные загадки; всегда будет неподвижно смотреть на тебя каменное лицо сфинкса; потому что твой мир заключен в твоём мозгу и ты не можешь сделать даже самого маленького шага за его пределы.

Там, снаружи, — хаос... И от твоих размышлений тебя, в конце концов, разбудит шорох и прикосновение паучьих лапок: изо всех углов к тебе будет ползти безумие... И ты можешь кричать и драться, тарашить глаза и неистовствовать, упрямитесь и молчать — все равно там, снаружи, хаос, тайна и ночь.

Но все так же, светясь и пенясь, накатывает волна и размывает и без того рассыпающиеся стены. Все раскачивается и изгибается, все обещает и призывает, все манит — бедра, грудь и ноги, и разве волнение в крови уже не перевешивает разум, разве уже не нависает над миром гигантский призрак фаллоса, разве природа издевательски не влечет бледного мечтателя в ловушки женских прелестей, не раздирает на части его жалкий интеллект, не отбрасывает его назад в мрачную бездну инстинктов, затем снова вырывая оттуда и ставя перед вопросом: в чем разгадка тайны мироздания — в дальнейшем самопознании или в порочной сладости женского лона?..

1920—1921

Густав Зак*

5 декабря 1916 года при наступлении на Бухарест пал от пули, пробившей грудь, лейтенант запаса Густав Зак. С ним сошла в могилу гордая надежда немецкой литературы. Не просто надежда, но и ее осуществление. Собрание сочинений в двух томах, которое выходит сейчас в издательстве Г. Фишера в Берлине, дает полное представление о трудах этого гениального человека.

Три романа: «Беспутный студент», «Безымянный» и фрагмент «Паралич» — составляют основное ядро наследия автора. Они внутренне связаны и изображают муки познания, этого якобы преимущественного права рода человеческого, а тем самым и трагедию человека вообще. Каждая строка этих романов пронизана

* Зак, Густав (1855—1916) — немецкий поэт и писатель. Автор стихов и романов в духе раннего экспрессионизма.

мукой мысли, той неизбывной мукой, которая началась, когда человек впервые пробудился от бессознательного, почти животного, существования и неосознанно задался вопросом: «Что это означает — я существую? Что такое жизнь?» Зак исследовал эту проблему, насколько было возможно, он штурмовал ее, не признавая компромиссных решений, и закончил тем, чем и должен был закончить, — параличом, безумием. Вечный вопрос о смысле жизни заканчивается безумием. Двойственность этого вечного вопроса порождает неодолимое желание найти единственный ответ. Таким ответом может быть погружение в начальное состояние, в бессознательность животного, возвращение в пурпурно-сумеречное царство инстинктов, к деревьям, облакам и животным. Это особенно ясно выражено в «Безымянном», где описывается стремление к вечному опьянению, разложению и готовности отдаться темным, непостижимым инстинктам, которые свет познания способен выхватить из вечно далекой загадки Абсолюта. Другим ответом может быть стремление вверх, к разуму, где единственное счастье — не цель и даже не стремление к ней (поскольку в конечном счете всякое познание бесцельно), а только сознание, что ты достиг самых далеких морей, покорил самые неприступные вершины, охватил взором самые безграничные просторы. Но

даже если конечный пункт был достигнут, все кончится развалом, катастрофой. Такой путь мы прослеживаем в «Параличе».

Зак переживал эту внутреннюю борьбу в условиях ужасающей нужды. Он творил непризнанный и голодный. Наряду с романами он писал совершенные по форме сонеты, которые, несмотря на лаконичность, полны переживаниями, и короткие новеллы, мерцающие, словно темное божоле в хрустальных бокалах самой изысканной и утонченной формы.

Зак был вулканом. Извержением. Самой землей. Его произведения отличает беспредельная поэтическая сила. Каждое слово глубоко прочувствованно. В каждом слове — кровь, сердце, сила, огонь, огромное душевное напряжение, стремление к прорыву на высший уровень бытия, ибо бытие и есть сам человек. Пейзажи так пластичны и так самостоятельны, что с трепетом понимаешь, насколько глубока связь этого человека с природой. Язык настолько выразителен, в нем столько бурления и шторма, что ему можно только безропотно поклониться. В новеллах он сверкает, как старая венецианская рапира, освещенная вечерними огнями, а в стихах извивается тончайшей филигранью. При этом он не отрицает великой линии, идущей от великого рода, потому что источник его всегда — человеческая первородность.

Зак изобразил в своих произведениях все, что только он мог показать, то есть самого себя. Выше этой вершины забраться уже невозможно. Путь, по которому он мог пойти дальше, вел из одиночества уже созданных произведений на дорогу, по которой идут многие: *все* художники. Но его единственная работа на этом пути, новелла «В сене», показывает, что большой талант уничтожает война.

Из произведений Зака при его жизни печатались лишь отдельные новеллы. Крупные труды отклонялись. К горлу подступает ком, когда слышишь об этом. Голод, отказы, непризнание, самобичевание, насмешки — неужели путь художника всегда будет таким?

1920

Геррит Энгельке

За три дня до заключения мира в английском лазарете умер от ранения в бедро Геррит Энгельке, самый сильный поэт, какого дал последнему десятилетию Ганновер, а возможно, и вся наша родина. Перед нами в маленьком томике, собранном другом автора Хансом Кнайпом и носящем название «Ритмы новой Европы», — его наследие (издательство Ойгена Дидериха, Йена). Листая этот томик, читая, удивляясь, читая дальше, поражаясь, сопереживая, увлекаясь и восхищаясь, раскачиваясь вместе с автором в ритме пульсирующей крови, фабрик, горизонтов, погружаясь в его мир, с глубокой болью осознаешь: безумие войны оборвало одну из наших величайших надежд!

Энгельке был маляром, художником, солдатом. Вышел из низов. Должен был сам завоевывать, сам исследовать каждый гран роста своего «я» в глубину и ширину, познать ритм Вселен-

ной, найти свое мироощущение; он должен был сам пробиваться сквозь нагромождение традиционного, сквозь путаницу привычного, сквозь символику предшественников и неподвижную фалангу слов, — к неповторимому переживанию своего «я», которое, словно река в море, впадает в неизмеримые просторы космоса. Из каменоломни жизненных тайн его дрожащие от нарастающего экстаза руки выламывали глыбы темных первородных чувств и под ударами молота мысли и творческой воли превращали их в слова-кубы и картины-здания, поражающие мощью, смелостью и первозданностью. Тобой овладевает стремление творить, с блеском, криком и звоном оно обрушивается на тебя ураганом, круговоротом вселенского «я». Здесь нет печальной лирики прошлого, нет стремительности экзальтированного экспериментально-экспрессионистского стиха, здесь царит дух нашего времени, в этих стихах слышны свистки сирен, шум заводов, грохот трамваев, звуки прибывающих поездов; здесь присутствуют такие непозитические вещи, как полицейский, фабрика, девочки, локомотив, гавань, доки, автомобили, небоскребы, казармы, увиденные с непосредственной гениальностью, и можно только удивляться и удивляться: неужели ничто не изменилось?.. Разве все эти вещи внезапно не приобрели мрачную отчужденную красоту, не

обратились в мощный танцевальный ритм, который отовсюду обрушивается на нас с бессловесной угрозой, — ритм нашего времени? Вот что бурлит и пенится в этих стихах, признаниях, гимнах, сами названия которых уже о многом говорят: «Творчество», «Город», «Локомотив», «Фабрика», «Почтовая сумка», «Бетховен», «Бог бушует», «Всемирное колесо», «Мировой дух», «Всеобщая родина», «Всемирная весна», «В потоке и свете», «Любовь во всех ее радужных красках», так что ты снова и снова, болезненно пораженный, замираешь перед тем, что уничтожило безумие войны. Чтобы не быть голословным, привожу одно из его стихотворений, взятое наугад:

**Новая гордость
гражданина вселенной**

Сотни улиц, всюду люди: работяги,
Полицейский, девочки, бродяги.
Поливалки трут асфальт до иступленья.
Товарняк, трамваи, колымаги
Рассекают, грохоча, людей скопленья.
Сотен улиц, звонких улиц сеть,
Им меня не одолеть!
Ведь я — все равно в центре!

Тысячи рельсовых путей,
Тысячи флагов, мачты, век скоростей,
Тысячи лодок и кораблей плывут грациозно,
Тысячи фабричных дымов всех мастей

Клубятся вокруг, надвигаются грозно.
В этом чаду легко угореть,
Задохнуться, уснуть, сомлеть,
Только не мне. Я — все равно в центре!

Океанские волны исполнены стоном.
Ледники ползут по горным склонам,
Словно белые языки.
В джунглях ветры бегут по кронам,
Полюса от тропиков далеки,
Их дыханьем Африки не согреть.
Мир велик, а по мне — как клеть,
Но я — в центре!

Этот могучий шторм земного бытия,
Этот великий гимн-планета-я:
Я — полюс, я — экватор, я — подвал и кров,
Мне тесно, я расту, дыханье затая,—
Я — средоточие, я — средостение миров!*

1921

* Перевод В. Бабенко.

Ханс Йегер*

Его тоже не пощадила судьба. Его жизнь — голод, тюрьма, нужда и презрение. Потому что он хотел правды и говорил ее: жестокую, беспощадную правду. Его произведения — крик из бездны. В них слышен голос человека, у которого все позади, который познал жизнь, для которого ложь человеческого существования стала мукой, и он решил бросить ей вызов. Он стал крестоносцем правды, он защищал ее, какой бы ужасной она ни казалась. В своем первом крупном произведении «Из жизни богемы Христиании» он уличал общество во лжи, срывал с него покровы, как бы говоря: «Вот как вы лжете всю жизнь; вот какие вы жалкие; вот каково ваше общество; а вот ваши поэты, которые тоже лгут и тоже виновны! А вот, вот, вот — правда, холодная, голая правда!» Книга была конфи-

* Йегер, Ханс Хенрик (1854—1910) — норвежский писатель.